

Поддубный, Сергей Яковлевич

Россия, Воронежская область

Март 2009 г.

Я родился 5 июля 1915 г. в Нарожине Воронежской губернии во многодетной крестьянской семье. Население нашего района этнические украинцы. После революции и развала царской империи мы жили очень бедно. Репрессии во время коллективизации сельского хозяйства нас не затронули. В школу я ходил пешком в соседнее село Барсучье, теперь это Белгородская область. Я учился хорошо и после школы меня приняли в педагогическое училище в Россоши, которое я закончил в 1938 г. Меня отправили на работу в регион, который теперь относится к Белгородской области. (Сама область была основана только в 1954 г.) Я начала работать учителем и в течение всего пары месяцев стал директором школы. Работа была прервана призывом в армию осенью 1939 г. Я служил в Северокавказском военном округе. Ко второму году службы стал артиллеристом, командиром зенитного орудия. Вступил в Коммунистическую партию.

С началом войны, с 9 июля 1941 г., воевал на фронте. Сейчас, с высоты прожитых лет, я думаю, что эта война началась против воли немецкого народа. Ее затеяли партия нацистов и ее фюрер Гитлер. Война стоила огромных страданий и жертв не только моей родине СССР, но и германскому народу. Внезапное нападение создало для нас огромные трудности. Мы вынуждены были отступать и нести тяжелые потери. Но, несмотря на тяготы войны, все мы верили в нашу победу. За первые три месяца войны я дважды был ранен. Первый раз это случилось в октябре. На нашу позицию совершили налет 67 бомбардировщиков. Я как командир зенитного орудия не мог оставить товарищей, перевязал рану на ноге и продолжал бой. Мы сбили 9 самолетов. Пятерых наших бойцов и меня представили к наградам. Но нам было не суждено получить эти награды.

Под Вязьмой и Ельней наши войска попали в окружение. Меня ранило в правую руку. Я зарыл свой партбилет в лесу, потому что представлял себе, что нам грозит. 10 октября 1941 г. я и тысячи других красноармейцев попали в плен. Для меня это было тяжелым испытанием, в том числе и для моего морального состояния. Меня отправили в лагерь в Могилеве. Лагерный режим был очень тяжел, нечеловеческий, направленный на уничтожение пленных. Многие охранники были набраны из местного населения. Я отказался от любого сотрудничества. Меня дважды избивали, что привело к травме черепа. В 1942 г. у меня развилась болезнь легких и язва. Раненная рука, конечно же, никем нормально не обрабатывалась, медицины почти не было, в результате чего она неправильно заросла в районе локтя. С этих пор я не могу ее согнуть. (После освобождения меня не признали инвалидом войны, потому что отсутствовали документы. А кто должен был их выписать? Вот такая у нас была система.)

В лагере в Могилеве погибли тысячи военнопленных. Когда наступила зима, из лагеря ежедневно выносили десятки, если не сотни замороженных тел умерших. В конце марта 1942 г. меня отправили в Литву, вначале в Каунас, потом в Вильнюс. Ранения, болезни, последствия прошлых болезней – все это мучило меня. Потом нас отвезли в Германию. Здесь

режим был уже не таким жестоким. Надзирателями были не фашисты, а обычные люди, в том числе пожилые немецкие солдаты, которые проявляли к нам сострадание. В этот период у меня установили туберкулез и отправили в медучреждение. Там меня взвесили. Я весил 42 кг вместо 72 кг, как в мирное время. Врачи считали, что есть надежда на выздоровление, так как болезнь была не наследственной, а стала следствием избиений и постоянных простуд. Стали лечить и мои простывшие почки. Я думаю, что врачи были представителями лучшей части немецкого народа. Медикаменты и лучшее питание подействовали, да и молодой возраст сыграл свою роль. В Германии я был в лагере Бад-Лингензальц, а затем в лазарете в Айзенахе.

Весной 1945 г. нас начали отправлять на запад, т.е. как можно дальше от Красной Армии. Нас охраняли как люди постарше, так и совсем юные. По дороге мы зашли в какую-то деревню. Помню одну женщину, которая пригласила меня домой и накормила. Крестьянский двор напомнил мне мою родину. Интересно было рассмотреть курятник, в котором горела электрическая лампа, которая согревала цыплят. Тогда я еще об этом не знал, но могу сказать, что моя будущая теща из деревни Еремовка и мои старшие сестры тоже помогли немецким пленным. Те благодарили их и говорили «Гитлер капут!» Но тогда, весной 1945 г., я не думал о женитьбе. Было неясно, что с нами будет. В середине апреля (день не помню) мы заметили, что наши охранники удалились и переоделись в гражданское. Позднее мы заметили американские легкие танки. Американцы сказали нам, что мы теперь свободны, и можем сами решать, как нам быть дальше: назад в советскую зону или дальше на запад. Многие вернулись в советскую зону.

Мне получили составить списки освобожденных. Я внес в список все данные, место проживание, был очень рад встретить своих. Фильтрация прошла нормально. Не все сотрудники органов были сталинистами. Только позднее я узнал, что многие другие пленные сменили лагерь немецкий на лагерь советский.

В августе 1945 г. я вернулся на родину. Когда я зашел в дом, моя старшая сестра как раз кормила грудью свою дочку. Она чуть не упала на пол. Все были уверены, что я погиб. Но я выжил, можно сказать, чудом. В Ровеньках я пошел в отдел образование в поисках работы. Мне сказали, что есть место только в деревне Еремовка. Это была не руководящая должность, бывшим военнопленным такие не давали. Там я познакомился с молодой учительницей Анной. Она была из семьи репрессированных. Ее отца расстреляли в 1937 г. Анне удалось «обойтись» только ссылкой. Ее муж Николай погиб на фронте. Так мы с ней познакомились и стали жить вместе. В 1947 г. родился сын Саша. Он прожил очень мало и умер в 1948 г. Мне предложили все же должность директора школы в селе Барсучье. Мы переехали. Уже там в начале 50-ых гг родились наши дочери Александра и Ольга. Моя жена преподавала русский язык и литературу, а я немецкий язык и историю. Мы оба закончили заочно ВУЗ. Марфа Ивановна, мать Анны, помогала нам воспитывать детей. Бывшему военнопленному не оказывали особого доверия. Могли дать мелкую руководящую должность, но если приходил человек с чистой биографией, то немедленно увольняли.

Я проработал учителем до 1975 г. Сейчас живу с женой в Россоши. Для жены этот город связан как со счастливыми, так и с трагическими страницами жизни. В этом городе 31 августа 1937 г. был расстрелян Лемешко, Матвей Дмитриевич, отец Анны. В 1989 г. он был

реабилитирован, а в 1996 г. мы получили соответствующие документы и небольшую компенсацию. Моя теща умерла в 1969 г., так ничего и не узнав о дальнейшей судьбе своего мужа. В Россоши живет и наша младшая дочь Ольга. Ее сыновья, Алексей и Сергей, выбрали мужские профессии, служат Родине. Я и моя жена живем благодаря нашим детям и внукам. И врачи нас поддерживают.

Возможно, своими воспоминаниями я внесу маленький вклад в сохранение исторической памяти наших народов.

С уважением

Сергей Яковлевич Поддубный